

В.И. Коровин

«Напрасно я бегу к сионским высотам...»

Написано летом 1836; при жизни Пушкина не опубликовано. Необработанный отрывок, написанный на черновом автографе стихотворения «Из Пиндемонта». Беловой автограф этого стихотворения имеет дату: 5 июня (?) или 5 июля (?). Стихотворение предназначалось для так называемого каменноостровского цикла (летом 1836 года Пушкин жил на даче Каменного острова). Исследователи полагают, что стихотворение было заменено другим — «Отцы пустынноики и жены непорочны...», с которым связано общей идеей переживания греха и очищения души, укрепления духа путем приобщения к религиозно-нравственным ценностям, выраженным в молитвах. Однако, ввиду незавершенности всего цикла, нельзя достоверно судить о том, предполагал ли Пушкин заменить стихотворение другим или нет, как неизвестно, отрывок это или законченное четверостишие, оставил ли он работу над стихотворением или только отложил ее, не закончив. За вторым стихом первоначально следовало:

Так, ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бья хвостом и гриву напрягая...

В пользу того, что стихотворение предназначалось для каменноостровского цикла, говорит и то, что все стихотворения этого цикла, кроме стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», принадлежность которого к циклу, кстати, оспаривается, написаны шестистопными ямбами с парными рифмами (поочередной мужской и женской рифмовкой) и с цезурой после третьей стопы (александрийский стих).

Значительность выраженного в четверостишии лирического признания определяется глубоко личным мотивом осознания собственной греховности и тщетности усилий достичь «сионских высот», символизирующих божественное совершенство и непорочность. Это стремление к совершенству заложено в человеке Богом, создавшим людей по своему образу и подобию. Упоминание о «сионских высотах» связано с горой Сион — местобитанием царя Давида, «любимца» Бога и песнопевца. Тем самым выражение «сионские высоты» включает мысль о поэтическом искусстве, сопряженном с идеей нравственного совершенствования. Тема нравственных и художественно-творческих устремлений решается в чувственно-символических образах льва и оленя, переходом к которым служит второй стих: «Грех алчный гонится за мною по пятам...» Выразительная и насыщенная конкретными деталями погоня льва за оленем (лев преследует свою жертву) соответствует зооморфным мифологическим и религиозным образам, пластически и живописно передающим картину «реальной» охоты и ее глубинного символического смысла. Лев в религиозных (библейских текстах) и в святоотеческой литературе связан с бесовской силой. Бесы часто принимали вид львов — хищных и опасных животных. Один из архонтов, антагонистов Бога, «князей мира сего», Михаил, выступал в обличье льва. Пророк-мудрец Даниил был брошен в ров со львами, но Бог спас его, заградив пасти львам. Образ оленя, напротив, в тех же текстах сопряжен с Богом. По мифологической традиции, олень считался животным, причастным к божеству, и награждался эпитетом «златорогий», имевшим отношение к солнцу и солнечному свету. Христианская мифология унаследовала и переосмыслила языческие представления. Олень в библейских и святоотеческих текстах стал образом, близким Христу. Эта символика актуальна для текста отрывка. Отмеченная исследователями перекличка со стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны...» заставляет предположить, что стихотворение не было Пушкиным окончено, поскольку тема только намечена. Сопоставляя оба стихотворения, можно лишь приблизительно предугадать развитие темы. Возможно, мысль стихотворения заключалась бы в том, что

лирический герой обратился за помощью к Богу, ибо без его участия попытки героя самостоятельно избавиться от греха безуспешны. Тщетно пытаясь убежать от греха и постоянно настигаемый им, человек не может надеяться только на свои слабые силы, а прибегает к помощи Бога, который своим могуществом «падшего крепит» и вселяет в него «неведомую силу», которой ранее человек не обладал. То же относится и к поэту, стремящемуся к совершенству и уповающему на Божье веление и Божью милость. В соответствии с таким предположением первый стих («Напрасно я бегу к сионским высотам...») надо понимать не как отказ от высших стремлений вследствие их недостижимости вообще, а как признание естественности и неотменимости стремления, заложенного в человеке Богом изначально, но не выполнимого без его помощи. Мысль эта родственна и другим стихотворениям Пушкина 1830-х, в которых поэт находит поддержку и опору в молитвах и благодати Бога, не оставляющего человека наедине с его прегрешениями. Посылаемый Богом дар многократно увеличивает духовные силы человека, что и позволяет смертному (и поэту) подниматься к «сионским высотам» нравственного состояния, преодолевая личное несовершенство.